

При въезде в деревню Енюково, недалеко от поворота на Белозёрск от трассы Питер – Вологда, заметил двоюродного шурина Василия Николаевича, следующего от магазина в противоположную сторону от дома.

– Василий! Привет! Я тебе продукты привёз, садись в машину, подвезу, – притормозив «узбечку», окликнул родственника жены с противоположной стороны единственной деревенской улицы.

– Здравствуй! Чего, маленький, что ли, пешком доберусь через полчаса. Да и дела у меня, а ты езжай, бабка дома, – подвыпивший Василий, возрастом давно за полтинник, продолжил вояж к следующему дому, высматривая соседей, благоразумно скрывшихся в доме. – Ну что, мать вашу, попрятались от Васьки! Думаете, промолчу, как вы комбикорма с птицефабрики тащите или как ваша дочка второго ребёнка в городе нагуляла, хрен знает от кого?

Не дождавшись от хозяев никакой реакции, Василий направился к добротному дому приятеля Сашки, чинно сидевшего в хорошем настроении на скамеечке под цветущей яблоней за невысоким забором.

– Чего не убегаешь, Санька? Думаешь, если в прошлый раз стопку налил, так не скажу, что ты пару соток земли под картошку прихватил без оформления? – Василий ухватил бороду в кулак и отпустил, и так несколько раз, вспоминая околوماгазинные сплетни.

– Привет, Василий Николаевич! Может, зайдёшь? – Александр, степенный мужчина с хитринкой в глазах, попытался уговорить разгорячённого портвейном друга детства и перевести очередную разоблачительную тираду в посиделки. – Повторяешься, Вася. На прошлой неделе про землю говорил.

– Некогда мне, муж сестрёнки приехал – продукты привёз, может, вечером зайду, если морду не набьют. А набьют, всё равно зайду, так что стопкой не отделаешься, – Василий поздоровался за руку с приятелем и громко добавил: – А про счёт в городском Сбербанке жена знает? А про заначку в мастерской?

Отмахнувшись, словно от назойливой мухи, от оправданий приятеля, Василий с блеском в глазах, чуть сгорбившись под бременем возложенной на себя миссии, направился в конец деревни. То приближаясь и усиливаясь, то удаляясь и ослабевая, более получаса доносились оттуда обличительные монологи «деревенского прокурора», прерываемые редкими репликами женщин или сочными матюгами мужчин.

С синяком под глазом и в хорошем настроении вскоре протрезвевший Василий вернулся домой. Очередная миссия была успешно завершена в авральном режиме, наверное, в честь приезда гостя.

– Батяка его такой же взбалмошный был. Ещё до войны, бывало, на собрании возьмёт слово и, пока в пух и прах не разнесёт бесхозяйственных колхозников и бездельников, – начальству тоже доставалось, – никак не успокоится. На войне погиб, царство ему небесное. А где теперь колхоз, да и птицефабрика еле теплится... Вот Вася, как без работы остался, пару раз в месяц у магазина запрашивается портвейном и новостями, потом по деревне их персонально разносит, – мать или бабка Нюра, как её называл Василий, изложила версию обличительных вояжей сына, пока тот куда-то отлучился из-за стола с традиционным чаепитием. – Его и запугивали, и били, даже участкового натравливали – всё без толку, – кряхтя, старушка медленно поднялась со стула и отправилась подремать.

– Я тебе там положил картошки с полмешка, а сверху морковки и свёклы, а капуста квашеная у вас своя, потому и не предлагаю, – сплоснув руки из реликтового рукомойника и вытерев полотенцем не первой свежести, Василий Николаевич присел за стол.

– Слушай, Василий, а ты почему не женат? – поинтересовался у родственника для продолжения разговора. – Что, невест в деревне мало?

– Как из армии возвратился, три года отбарабанил, невест считай, в два раза больше было, чем женихов. А всё потому, что парни после армии кто на целину, кто на стройки, а многие в город на меткомбинат подавались, – Вася задумался, что-то вспоминая с улыбкой. – Бывало, в поселковый клуб завалимся компанией на танцы, летом жарко, девки без трусов. На пол набросаем табаку, а в брюки засунем по огурцу и ходим королями – любую бери, редко отказывали. Вот и избаловали, а хозяйку в дом взял на четвёртом десятке, да с матерью не ужилась...

– Слушай, а ты не пробовал не критиковать односельчан, сам ведь тоже не ангел, – задал давно напрашивающийся вопрос двоюродному шурина в продолжение разговора.

– Пробовал вначале, даже слово бабке давал, но как-то не получилось, почти месяц болел непонятно с чего. Решил, что будет лучше, если в глаза высказать, чем по-соседски сплетничать или промолчать, – неожиданно убедительно ответил Василий Николаевич, добровольно возложивший на себя роль «деревенской совести».

Василий ушёл из жизни в начале этого века, не поняв и не приняв другой мир отношений, до самой кончины продолжая всё более редкие деревенские обходы; мать пережила сына на два года. Деревня не захирела, утратив свою «совесть» в лице Василия Николаевича, добровольного обличителя односельчан. За пятнадцать лет преобразилась, всё больше напоминая дачный посёлок, где горожане, новые владельцы домов, почти не знают или не хотят знать соседей, не нуждаются в излишнем общении и не выносят сор из избы.